

Т.А. Черноверская (Новосибирск)

**БУНТ, НЕ ИМЕЮЩИЙ ПЕРСПЕКТИВЫ:
СЕН-ЖЮСТ В ПЕРИОД РАБОТЫ НАД ПОЭМОЙ «ОРГАНТ»**

Мне двадцать лет. Я сделал плохо.
Я мог бы сделать лучше.

Сен-Жюст «Органт».

Луи Антуан Сен-Жюст остался в памяти людей, знакомых с историей Великой французской революции как пламенный революционер II года Республики, как «апостол террора», как рыцарь без страха и упрека, на которого даже враги взирали со смешанным чувством восхищения и ужаса.

Поэма «Органт», опубликованная им анонимно в самом начале революции (в 1789 г.) в значительной степени противоречит этому образу. Историки революции в прошлом веке писали о ней прежде всего как о сочинении непристойном, позже в сатирических выпадах поэмы стали отыскивать истоки, зародыши тех идей, которые Сен-Жюст пытался воплотить в жизнь в своей политической деятельности. Наконец, в последние четыре десятилетия ряд авторов предприняли попытки проанализировать сам текст поэмы, рассматривая ее то как произведение прежде всего автобиографическое (М.А. Шармело), то как произведение собственно литературное, связанное с современной ему литературной традицией (С. Трюси-Торжюссен). Признавая плодотворность этих подходов, хотелось бы обратить внимание и на некоторые другие аспекты.

Теплым июньским вечером 1789 года в дом парижского негодянта господина Дюпе постучал молодой человек лет двадцати – двадцати двух. Служанка, открывшая дверь, рассказывала потом подругам, что в лучах заходящего солнца он показался ей ангелом, сошедшим с небес – золотящиеся кудри до плеч, точеный профиль, серо-голубые глаза большие и строгие.

– Леонар Флорель де Сен-Жюст, – отрекомендовался он.

Господин Дюпе узнал сына своего старинного друга и земляка, унтер-офицера кавалерии роты герцуга Беррийского (его звание соответствовало чину капитана в обычных войсках), Луи

Жана де Сен-Жюст де Ришбур, – и усмехнулся: на самом деле юношу звали Луи Антуан, но он предпочитал почему-то имена, ему не принадлежащие. Летом 1786 года он уже гостил в этом доме. Господин Дюпе, так радушно принявший его, познакомивший с Парижем, с его садами и театрами, сам того не подозревая, сыграл тогда незавидную роль в судьбе молодого человека: удаленный из родного дома, он лишился в тот злосчастный год своей возлюбленной, которую спешно выдали замуж за другого. Теперь анонимный автор поэмы «Органт», уже разыскиваемый парижской полицией, Сен-Жюст решил укрыться в Париже, справедливо полагая, что в большом городе труднее отыскать человека, чем в провинциальном местечке. Господину Дюпе можно было довериться, да и взгляды его были известны¹.

Узнав о причине неожиданного визита, Дюпе пожелал прочитать поэму. Она оказалась весьма длинной: двадцать песен, два тома под двести страниц каждый. И полный набор поводов к тому, чтобы вызвать пристальный интерес властей. В глаза бросалось подчеркнутое подражание «Орлеанской Девственнице» Вольтера. Разумеется, как литературному произведению «Органту» было далеко до блистательного образца. Но все обвинения, выдвигаемые против «Девственницы», были вполне приложимы и к этой поэме: и оскорбление нравственности, и оскорбление религии и церкви, и оскорбление властей. Разговоры с господином Дюпе побудили Сен-Жюста, дабы яснее представить свою позицию, написать *Диалог г-на Д... с автором поэмы «Органт»*²:

Г-н Д. Это вы, сударь, автор поэмы «Органт»?

Автор Да.

Г-н Д. Вы достаточно испорчены для своего возраста.

Автор А может быть, достаточно мудр.

Г-н Д. Что такое сделали вам люди, чтобы разжечь в вас столь желчную сатиру?

Автор Я хотел им понравиться.

Г-н Д. Откуда эти злые намеки?

Автор Я писал с людей; тем лучше, если я добился сходства.

Г-н Д. Вы ведете подкоп против королей.

Автор Я люблю королей, я ненавижу тиранов.

Г-н Д. Вы попираете ногами установления самые священные.

¹ Barère B. Mémoires. Bruxelles–Leipzig, 1844. Т. 4. Р. 374; Dommanget M. De nom et de prénom de Saint-Just // Idem. Saint-Just. P., 1971. Р. 21–24; Charmelot M.A. Autour de Saint-Just // AHRF. 1966. № 185. Р. 61–66.

² Введён в научный оборот Б. Вино: Vinot B. Saint-Just. P., 1985. Р. 175–177.

- Автор* Эти установления пали, они более не священны, но презренны.
- Г-н Д.* Ваш Карл Великий – это же король; ваша Кунегонда – это же королева.
- Автор* Это вы сказали.
- Г-н Д.* Ваша обезьяна Этьен Перонн – это же шевалье Дюбуа.
- Автор* Уважайте мою обезьяну.
- Г-н Д.* Ваш Пепин – это же граф д'А..., он купил несколько лет назад лошадь за 1700 луи, эту лошадь звали Пепин, и ...
- Автор* И Пепина звали лошадью.
- Г-н Д.* Вы позорите Генеральные штаты. Вы не боитесь? ...
- Автор* Не боюсь. Ни-че-го.
- Г-н Д.* Какое ужасное богохульство царит в вашей книге!
- Автор* Молитесь за меня.
- Г-н Д.* Что за портрет королевь!
- Автор* Что за оригинал!
- Г-н Д.* Что за памфлет против Парламента, театра и Академии!
- Автор* Что за памфлет против здравого смысла эти три учреждения!
- Г-н Д.* Что за ужасная картина ... ? и Троицы.
- Автор* Вы смеетесь!
- Г-н Д.* Не боитесь ли вы, мэтр Антуан, что вас ославят свиньей, а может быть свинья и есть мэтр Антуан?
- Автор* Вероятно.
- Г-н Д.* Но вас поджарят.
- Автор* А мне наплевать.

Читатель, знакомый с обстоятельствами жизни автора, увидит в поэме не только политическую сатиру, но и многое другое.

1. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Луи Антуан Сен-Жюст родился 25 августа 1767 г. в Десизе, провинция Нивэрнэ в центральной Франции. Его мать, Мари Анн Робино происходила из старой патрицианской семьи Десиза: ее отец и братья были нотариусами, а отец даже удостоился звания эшевена, дядья, братья отца и матери, – священниками. Сама Мари Анн с раннего отрочества и до позднего, в тридцать лет, замужества вела дом своего отца; это была женщина деловая, прижимистая, с твердым характером, и одновременно глубоко религиозная: она мечтала о религиозной карьере и для своего сына; позже, в 1807 г. в ее отпевании приняли участие четверо священников не только из Блеранкура, но и из окрестных местечек. Отец, Луи Жан де Сен-Жюст, был выходцем из крестьянской фермерской семьи, уже не в первом поколении занимавшейся наряду с земледелием сбором податей и повинностей для сеньоров. Луи Жан, будучи седьмым сыном в семье, не мог рассчиты-

вать на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства, и потому избрал военную карьеру. Карьера эта для представителя третьего сословия, не имевшего средств для покупки офицерского чина, была трудной и мучительной; не помогло и присоединение к родовому имени названия имения, которым управлял его отец (де Ришбур): за тридцать лет безупречной службы Луи Жан дослужился лишь до чина капитана и стал кавалером ордена Святого Людовика. Но кроме этого он, по-видимому, получил и дворянство: известно, во всяком случае, что Луи Жан и его семья пользовались налоговыми привилегиями; существуют также сведения о гербе – серебряный сноп на лазурном поле³. Судя по всему, тот факт, что дворянство получено по праву, а не куплено за деньги, для Луи Жана де Сен-Жюст имело немаловажное значение, как и, до определенного времени, для его сына.

В конце 1767 г. Луи Жан де Сен-Жюст, ставший после смерти отца и брата практически единственным наследником, вышел в отставку и вместе с женой перебрался к себе на родину в Пикардию, заняв на несколько лет место отца в качестве управляющего имениями графа Брюне д'Эври. А Луи Антуан был оставлен у кормилицы в Верней близ Десиза под присмотром местного священника Антуана Робино, своего двоюродного деда и одновременно крестного. С родителями и с двумя младшими сестрами-погодками, Луиз Мари Анн и Мари Франсуаз Вектуар, Луи Антуан познакомился, когда ему было уже почти пять лет – в начале 1772 года, вскоре после смерти юре Антуана Робино, они приехали в Десиз и четыре года прожили в доме мэтра Леонара, который помирился, наконец, со своей непокорной дочерью (Мари Анн вышла замуж вопреки воле отца, и год спустя ни он сам, ни ее братья не присутствовали при крещении Луи Антуана), и проникся неожиданно горячей любовью к своему очаровательному, богато одаренному и весьма своенравному внуку.

В Пикардию семья возвратилась летом 1776 г., когда наследство, полученное от Антуана и Леонара Робино, а также от старшей сестры Мари Маргерит де Сен-Жюст, добавленное к прежним сбережениям, позволило Луи Жану приобрести в местечке Блеранкур близ Нойона небольшой каменный дом из пяти

³ Vinot B. (Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale // ANRF. 1982. № 248. P. 166–167) сообщает, в частности, что семья платила только налог на прислугу; о гербе, выгравированном на рукоятках пистолетов Луи Жана де Сен-Жюста упоминает Ш. Веллэ: *Vellay Ch. Premières luttes politiques (1790–1792)* // Revue de Paris, 1906. T. 5. P. 822 (note).

комнат, с черепичной крышей и возвышающейся над нею голубятней (одна из привилегий дворянского сословия), с небольшим садом и грабовой аллеей вдоль ручья. Здесь он и поселился со своей семьей, живя на доходы с принадлежавшей ему земли и пенсию⁴. Именно в Блеранкуре, прошли значительная часть детства и юность Луи Антуана Сен-Жюста. Здесь он сформировался как политический мыслитель и революционер. Социальные условия Пикардии и определили в значительной мере выбор учителей и учений, которым он отдавал предпочтение. Именно здесь он увидел, что «там, где есть очень крупные собственники, мы видим одних лишь бедняков»⁵. Ведь в Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой, ранее, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство капиталистического типа: ферма Петрон, которую его дед Шарль де Сен-Жюст арендовал у графа Брюне д'Эври, с ее 95 га земли, не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана по матери и впоследствии опекуна его детей. Мелкие крестьянские хозяйства занимали здесь сравнительно незначительное место. Совершенно иную картину представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были сравнительно редки и не превышали 70–80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства, в которых скотоводство, в первую очередь овцеводство, оставалось существенным подспорьем для земледельца. И в Блеранкуре, который был одной из самых бедных коммун байяжа Куси, социальные контрасты были значительно сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками. В целом социальная среда Пикардии могла

⁴ *Boutanqoui O.* Le conventionnel Saint-Just et sa famille. Compiègne, 1927; *Charmelot M.A.* Autour de Saint-Just // AHRF, 1966, 1 183. P. 61–64; *Manceron Cl.* Les hommes de la liberté. T. 4. La Révolution qui lève. P., 1979. P. 327–333; *Vinot B.* Les origines... P. 15–29.

⁵ *Saint-Just L.A.* Oeuvres complètes / Ch.Vellay. P., 1908. T. 2. P. 513.

стать одновременно и «негативным», и «позитивным» источником формирования эгалитарного общественного идеала⁶.

Семья Луи Жана заняла достаточно высокое положение в этом полусельском обществе, но сам он прожил в Блеранкуре лишь около года, скончавшись в сентябре 1777 г.

В том же году Луи Антуана определили в коллеж Сен-Никола в Суассоне, где обучались мальчики как из дворянских семей, так и из семей местного городского и сельского патрициата, и где в свое время учился и его отец. В отличие от парижского Луи-ле-Гран, где учился Робеспьер, этот коллеж не принадлежал к числу привилегированных и находился в руках монахов-ораторианцев, а не иезуитов. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению риторики, древних языков и античной истории. Однако преподавание здесь велось не на латинском, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, естественная история (в коллеже имелся неплохо оборудованный кабинет для физических и химических опытов), отечественная история, а также изящные искусства (среди вещей Сен-Жюста, проданных с торгов 12 фрюктидора III года была «складная флейта слоновой кости», а в музее Блеранкура экспонировался в начале века выполненный им рисунок головы Антиноя⁷). В те годы, когда там обучался Сен-Жюст, риторику в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику – будущий член Конвента Дону, известный своими педагогическими идеями, а также активным участием в разработке Конституции III года Республики; учителем Сен-Жюста называют также одного из лидеров республиканской оппозиции Наполеону Эва Демайо. Добавим неплохую библиотеку коллежа, где были собраны не только разрешенные цензурой книги⁸.

Обладая блестящей памятью, Луи Антуан не слишком тяготился основанной на заучивании различных текстов системой обучения: среди бумаг Бертрана Барера, его коллеги по Комитету

⁶ *Vinot B. Les origines... P. 161–180; Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problématiques et cadres sociaux // AHRF. 1966* ¹ 186. P. 350–356.

⁷ *Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers. Première série. P., 1932. P. 338; La succession de Saint-Just // AR. 1923. P. 513.*

⁸ *Manceron Ci. Op. cit. P. 336–340; Vinot B. Saint-Just: son milieu, sa jeunesse et l'influence de sa formation sur sa pensée et son action politiques. Thèse pour le doctorat d'Etat. P., 1984. P. 31–34.* Б Вино высказал предположение, что Сен-Жюст попал в коллеж не в 1777, а позже, в 1779 или 1780 г., а до этого обучался в Блеранкуре.

общественного спасения, хранился листок, исписанный им и Сен-Жюстом, вероятно, во время одного из заседаний Комитета, когда они были заняты несколько менее, чем обыкновенно; Барер и Сен-Жюст спорят о том, как следует работать с книгами, и Сен-Жюст категорически возражает против выписок, утверждая, что «если вас поразило изречение, мысль или еще что-то в книге, прочитайте раза два: вы это запомните»⁹. Воспоминания современников, записанные более чем через полвека после гибели Сен-Жюста консервативным историком Э. Флэри, рисуют его сорванцом, с трудом подчиняющимся суровой дисциплине коллежа, и в то же время учеником одаренным и трудолюбивым. Флэри рассказывает, в частности, что Луи Антуан стал одним из вожakov бунта, который попытались поднять ученики коллежа, был схвачен при попытке поджечь здание, взял вину на себя, был посажен в карцер на хлеб и воду и в знак протеста объявил голодовку¹⁰; но никаких документальных подтверждений этому историки, работающие в местных архивах, не обнаружили. Зато сохранилась книга, полученная им в качестве премии за переводы с латинского языка и на латинский в августе 1781 г.¹¹. Со слов того же Флэри известно, что товарищи в насмешку называли Сен-Жюста «императором бурлеска», сравнивая с д'Ассуси, второстепенным поэтом конца XVII в., «обезьяной Скаррона», который был одним из основателей жанра во Франции – по-видимому, именно в годы обучения в коллеже Сен-Жюст, пробуя себя в разных жанрах, написал, подражая Мариво, одноактную комедию в стихах «Арлекин Диоген», а подражая «Орлеанской Девстве-нице» Вольтера – первые, бурлескные, песни поэмы «Органт», – и в то же время, стремясь доказать своим товарищам, что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов, написал «Историю замка Кузи». С наградой ли, или со скандалом, Луи Антуан де Сен-Жюст оставил стены коллежа, по-видимому, весной 1786 года.

А летом произошли события, круто изменившие течение его жизни. Впрочем, началось все значительно раньше.

Когда семья поселилась в Блеранкуре, у детей, в особенности у Луи (так его звали домашние), должны были возникнуть некоторые проблемы в общении со сверстниками, связанные в частности с тем, что их нивернезский выговор сильно отличался от местного пикардийского. Подобное отчуждение от сверст-

⁹ *Barère B. Mémoires. T. 1. P., 1842. P. 129–130.*

¹⁰ *Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T. 1–2. P., 1852. T. 1. P. 16–22.*

¹¹ *Vellay Ch. Premières luttes... P. 822.*

ников, но уже по иной причине, испытывала внебрачная дочь одного из местных нотариусов Антуана Желе Тереза (ей было почти тринадцать лет, когда родители ее обвенчались и она была официально признана собственным отцом)¹². Могло ли это способствовать сближению между ними? Или дело ограничилось тем, что он дергал ее за косички, как своих маленьких кузин в Десизе? Терезе было пятнадцать лет, Антуану (она предпочитала это имя) – почти на год меньше, когда он, приехав домой на праздники, вдруг обнаружил, что она превратилась в хорошенькую девушку – пухленькая блондинка с рыжеватыми волосами, молочно-белой кожей, золотистыми веснушками на носу, непосредственная и живая. Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. И оно не было безответным. Он часто приезжал домой из Суассона. Любимым местом прогулок двух влюбленных стали руины некогда знаменитого замка Куси. Вероятно, в конце 1785 или начале 1786 г., незадолго до окончания коллежа, Антуан сделал предложение – и неожиданно для себя получил отказ от ее отца. Более того, удалив Антуана из Блеранкура, Терезу в июле 1786 г. спешно выдали замуж за сына второго блеранкурского нотариуса Франсуа Эмманюэля Торена¹³.

Что должен он был пережить, когда возвратился домой...

Остаться здесь было невозможно. Да и пора было выбирать какое-то дело: ему исполнилось девятнадцать, коллеж окончен. Однако, ни духовная карьера крестного, чего хотела его мать, ни юридическая карьера деда, сулившие благополучие и спокойную жизнь, его не привлекали. Только военная служба достойна дворянина, только в Париже, и только в королевской гвардии – это вытекает из того, что он заявил позднее на допросе¹⁴. Военная реформа Сегюра 1781 года, резко ограничившая доступ к офицерским званиям не только для представителей третьего сословия, но и для выходцев из семей, недавно аноблированных, имеющих менее четырех поколений дворянских предков, Сен-Жюста как сына кавалера ордена

¹² Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P., 1957. P. 25–26.

¹³ Историю отношений Антуана Сен-Жюста и Терезы Желе рассказала, опираясь на семейные архивы и устную традицию, М.А. Шармело (Op. cit.). См. также: Hamel E. Saint-Just et madame Thorin // RF. 1897. T. XXXII. P. 348–363.

¹⁴ Vatel Ch. Charlotte Corday et les Girondins. T. 1. P., 1864. P. CXLVII–CL (Interrogatoire).

Святого Людовика не затрагивала¹⁵. Но Мари Анн Робино, достойная дочь своего отца, не желала тратить деньги на то, что считала пустой затеей. В отчаянии, Антуан, собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, бежал в Париж, где примерно три недели спустя был арестован по просьбе матери и заключен на основании *lettre de cachet*¹⁶ в исправительный пансион Мари де Сен-Колон, где он провел шесть месяцев в обществе игроков, развратников, воров и сумасшедших, помещенных туда же по требованию своих семей¹⁷.

Продолжительный вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему Желе отказал ему? Он слишком молод? Но его счастливый соперник лишь на полтора года старше. Он недостаточно состоятелен для Терезы? Но даже если и так, то уж его принадлежность, пусть и новоприобретенная, ко второму сословию, казалось бы, должна это компенсировать. У него неподходящая репутация? Ну, знаете... То, что год назад они вместе были восприемниками на крестинах маленького Луи Лели, сына местного кожевенника (какой чудесный был праздник!)?¹⁸ Но это не более чем предлог для набожной матери. Или причина в чем-то ином? Недавно он услышал, что вскоре после свадьбы сына Франсуа Торен-отец передал свое дело зятю, Франсуа Эмманюэлю Декзну¹⁹, а это значит, что Торен-сын, в свою очередь, рассчитывает голучить контору тещя Желе, вероятно, в качестве приданого Терезы; но у мэтра Желе есть старшие дочери, сводные сестры Терезы²⁰. Ну, положим, Желе и Торена связывают какие-то деловые отношения, какие-то взаимные услуги, – но почему в жертву им должно быть принесено счастье двух молодых людей, любящих друг друга?! Какова цена этих отношений! А он

¹⁵ *Tuetey L. Les officiers sous l'Ancien Régime. Nobles et roturiers. P., 1908.*

¹⁶ *Lettre de cachet* – открытый лист, содержащий приказ об аресте с подписью и печатью короля, позволявший заключить человека в тюрьму и содержать там без суда и предъявления обвинения.

¹⁷ *Vinot B. Saint-Just... P. 144*; Впервые документы, связанные с этим эпизодом в жизни Сен-Жюста опубликованы в кн: *Vatel Ch. Op. cit. P. CXLI–CLVI*. См. также: *Hamel E. Un épisode de la jeunesse de Saint-Just: Six mois chez Mme de Sainte-Colombe // RF, 1897. T. XXXII. P. 97–120*; *Gross J.P. Autour de Saint-Just // AHRF, 1962, N° 168. P. 218–223*; *Vinot B. Saint-Just. P. 45–55.*

¹⁸ *Hamel E. Saint-Just et madame Thorin. P. 352.*

¹⁹ *Dommenge M. Saint-Just. P. 83–84.* Заметим полутно, что Торен-отец был нотариусом мадам де Сен-Жюст.

²⁰ *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P. 81–82.*

сам – он ощутил себя практически в полной изоляции: новый статус его семьи оказывается, мало что значил для его земляков, а верхушка третьего сословия Блеранкура его отторгала. Попытка же упрочить свое положение во втором сословии, вступив в королевскую гвардию, не состоялась²¹. И вот теперь он арестован, заключен под стражу без суда и предъявления обвинения. А за что? Преступления он не совершал: являясь законным наследником своего отца, он по достижении совершеннолетия становился владельцем всего движимого имущества²².

Так в одно и то же время ему суждено было пережить глубочайшую личную драму и впервые в жизни ощутить себя самого жертвой социальной несправедливости. Полгода, проведенные в пансионе мадам де Сен-Колон, стали переломными для Сен-Жюста. Запертый в четырех стенах, он вернулся к своей поэме, начатой еще в коллеже, но продолжать ее в том же тоне, в каком начал, уже не мог. Невинный бурлеск сменяется сатирой, объектом которой становится и мир Интереса, и церковь, и королевский двор, и самая королевская власть²³.

По-видимому, тогда же он принял решение заняться юриспруденцией, полагая, что эта сфера деятельности оставит достаточно досуга и для литературных занятий. По выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 г. его имя впервые фигурирует в экзаменационных листах юридического факультета Реймского университета. А уже в апреле 1788 г. Луи Антуан де Сен-Жюст сдает экзамен на звание лицензиата прав²⁴.

²¹ На это обратил внимание еще Ш. Ватель: *Vatel Ch.* Op. cit. P. CLIII. Совершеннолетним считался человек, достигший 25 лет.

²² Б. Вино говорит о Сен-Жюсте как о «социальном мутанте» (*Vinot B. Les origines... P.* 179). В этом нетрудно усмотреть еще один элемент сходства между Сен-Жюстом и Наполеоном – тот и другой формально принадлежали к дворянскому сословию, но дворянство у обоих было неполноценное – у одного новоприобретенное, у другого корсиканское.

²³ На эту перемену жанра обратила внимание С. Торжюссен: *Torjussen S. Fonction de la creation littéraire dans l'évolution de la pensée de Saint-Just // Pensée.* 1980. ¹ 215. P. 152–156.

²⁴ *Laurent G. La faculté de droit de Reims et la Révolution // AHRF.* 1929. № 34. P. 350–351. Не воспользовался ли он сословной привилегией, позволявшей дворянам сокращать срок обучения в университете? Обращает на себя внимание одворянивание имени теми, кто столь же стремительно получал диплом в Реймсе (Ролан де ла Платьер, Бриссо де Варвиль, д'Антон). Впрочем, со слов Бриссо известно, что здесь диплом можно было и просто купить. – *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Ве-

Доподлинно не известно, чем занимался Сен-Жюст в течение следующего года, но вероятно, именно в это время он начинает внимательно наблюдать за жизнью окружающих людей. А увидеть в тот год можно было многое. Не случайно уже в «Органте», в песне XVI, появляются такие строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой,
Напрасно пахарь разрывает землю;
Вернется вечером, и страшное отчаяние
Сойдет в его печальное жилище:
Он встретит безутешную жену.
Нашу хижину, скажет она, ограбили.
Кто ж сделал это? спросит в ужасе супруг;
Кто ж сделал это? кто же допустил? – Король!²⁵

13 июля 1788 г. над рядом районов Пикардии, в том числе и над Блеранкур, пронеслась буря с градом, уничтожившая до двух третей урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность возросла почти вдвое²⁶. Память об этом тяжелом годе, когда он, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся «пешком, в непогоду», чтобы отдать «делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самую жизнь»²⁷, сохранились не только в «Органте», но и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. «Бедствия и взаимная помощь соединила сердца», – писал он два года спустя в «Духе Революции и Конституции во Франции»²⁸.

Объявленный в августе 1788 г. созыв Генеральных штатов всколыхнул общественную жизнь провинции. Вероятно, именно это побудило Сен-Жюста завершить, наконец, поэму, придав ей большую политическую остроту – благо, сам жанр героико-комической поэмы допускает авторские отступления, мало связанные или вовсе не связанные с сюжетной линией, в особен-

ликой французской революции. М., 1986. С. 29. М.А. Шармело и Б. Вино высказывают сомнения в том, что Сен-Жюст сдал экзамен на звание лицензиата прав – в экзаменационных листах, на которых ссылается Г. Лоран, имена указаны очень нечетко: *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt*. P. 38; *Vinot B. Saint-Just*. P. 57–59. В то же время Ш. Веллз определенно говорит о нем как о человеке, обладающем этим званием: *Saint-Just L.A. Oeuvres complètes*. T. 1. P. 225, note.

²⁵ *Organt, Chant XIV // Oeuvres complètes*. T. 1. P. 170.

²⁶ *Dommanget M. La question agraire chez Saint-Just dans ses rapports avec ses origines paternelles et la terre Picard // Idem. Saint-Just*. P. 92; *Vinot B. Les origines...* P. 171.

²⁷ Cit.: *Saint-Just L.A. Oeuvres complètes*. T. 1. P. XI (Introduction).

²⁸ *Oeuvres complètes*. T. 1. P. 253.

ности в начале и в конце песней. Поэма была опубликована в конце мая 1789 г. без имени автора и с ложным указанием на Ватикан как место издания, и предложена книготорговцам по цене 7 ливров 10 су, что показалось им слишком дорого, даже учитывая привлекательность для читающей публики неподцензурного запретного издания.

И здесь мы сталкиваемся с некоторым противоречием в наших представлениях о степени свободы печати в первой половине 1789 г., когда и в Париже, и в провинции было выпущено огромное количество брошюр, газет, афиш и прочей печатной продукции, содержащей достаточно острую критику существующего режима, когда при обсуждении наказов Генеральным штатам открыто выдвигались весьма радикальные проекты преобразования общества и государства. Оказывается, цензурные ограничения, существовавшие при Старом порядке, отнюдь не исчезли и не приобрели формального характера. 10 июня 1789 г., т.е. за неделю до провозглашения Национального собрания, генерал-лейтенант полиции Парижа де Кронь отдал приказ о разыскании и изъятии у книготорговцев поэмы «Органт», как сочинения, оскорбляющего религию и церковь, оскорбляющего нравственность, оскорбляющего власти, а также «других подозрительных сочинений и публикаций». И хотя «Органта» в книжных лавках не обнаружили, полиция конфисковала издания с такими, например, названиями: «Оратор Генеральных штатов», «Раскрытый секрет или третья поправка к докладу Неккера», «Диоген в Генеральных штатах» и т.п. Сочинение и издание таких произведений все еще требовало определенного мужества²⁹. Автору «Органта» реально могло грозить заключение в Бастилию. Да и сама по себе новая встреча с де Кроном ничего приятного не сулила. Потому-то Сен-Жюст и счел за благо укрыться в Париже.

2. «ОРГАНТ», ПЕСНИ I – VI; «ИСТОРИЯ ЗАМКА КУСИ»

Поэма «Органт» весьма сложна для анализа и интерпретации, и с большим трудом воспринимается как целое. И дело не только в композиционной сложности; главная причина, думается, в том, что писалась она в течение длительного времени и не по предварительно составленному плану, но сам план этот складывался в ходе работы над поэмой и, по меткому вы-

²⁹ *Vellay Ch. Les poursuites contre "Organt" // Revue Bleu. 1907. T. VIII. 6. P. 186–187.*

ражению Серены Торжюссен, приспособившись к развитию мысли, которая сама себя ищет³⁰.

Действие поэмы разворачивается в эпоху Карла Великого, основу сюжета составляет эпизод времен войны Карла с саксами из хроники XIII века бенедиктинца Матвея Парижского, к которому юный автор постоянно апеллирует. Из этой же хроники почерпнуты имена многих действующих лиц, прежде всего – заглавный герой поэмы шевалье Антуан Органт, бастард архиепископа Санского Тюрпена, соратник Карла Великого, погибший в стране пруссов в возрасте 22 лет, которого автор наделил собственными чертами³¹. Но автобиографический элемент поэмы этим не исчерпывается.

Уже после выхода книги в свет, а возможно даже после взятия Бастилии в части продаваемых экземпляров поэмы появилось небольшое, на двух листках, приложение, озаглавленное «Примечания издателя», где автор, вероятно стремясь привлечь внимание читателей, дает своего рода ключ, раскрывающий некоторые имена действующих лиц и намеки на события недавнего прошлого³². По мнению М.А. Шармело «ключ» является неточным, и даже намеренно ложным. Причем касается это не только политических намеков, но, пожалуй, главным образом, личных обстоятельств автора³³.

Многие и многие строки поэмы посвящены истории любви Антуана Органта – Сен-Жюста и Нисетты – Терезы, любви Аршамбо – Сен-Жюста и Маргерит д'Эврё – Терезы; любви земной, телесной, которая благодаря подлинной страсти, звучащей в стихах пусть несовершенных, не выглядит сниженной, несмотря на использование автором сниженной лексики, ибо

Бог этот, столь великий и несомненно справедливый,
Который нас обрек печальной участи
(неизбежность смерти – Т.Ч.),

Разве может он считать человека виновным
В том, что тот любит творение рук его, –

как говорит Органт своему Ангелу-хранителю³⁴; любви более возвышенной, духовной, более «невинной» в стиле XVIII века:

³⁰ *Torjussen S. Fonction...* P. 157.

³¹ Organt. Notes de l'éditeur // *Saint-Just L.A. Oeuvres complètes*. T. 1. P. 215. (далее все ссылки на поэму даются по этому изданию).

³² *Ibid.* P. 215–216.

³³ *Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt*. P. 9–10.

³⁴ Organt. P. 48–49.

Ах! я не знала, что любить друг друга преступление!
Он, как и я, не знал, то несомненно;
Он дал мне слово, слово я дала ему... –

жалуется Маргерит д'Эврэ³⁵. Недолгое счастье влюбленных, их разлучение, отчаяние – как бы все это ни было значимо в жизни автора, в поэме – по отношению к центральной сюжетной линии – это либо побочные ответвления, либо вставные эпизоды.

Одержав победу над саксами, Карл Великий и его соратники предались лени, любви и наслаждениям. Это позволило саксам во главе с королем Витикином (так у Сен-Жюста) поднять восстание. Новый поход против саксов начался для Карла неудачно. Было предсказано, что только участие в походе против язычников архиепископа Тюрпена сможет принести франкам победу. Но Тюрпен куда-то исчез, погрязнув в плотских грехах. И вот на поиски его отправляется Антуан Органт вместе с верным оруженосцем Жаном Шампанем (М.А. Шармело отождествляет его с Пьером Жерменом Гато), войсковым священником Жоржем (Торен младший) и Ангелом-хранителем (Пьер Виктор Тюийе)³⁶. Такова в самых общих чертах завязка сюжета, таково содержание первых шести песней поэмы.

Военные подвиги и галантные похождения; превращение человека (Сорни) в осла, заставляющее вспомнить Апулея; битва между силами Неба и Ада, в описании которой слышится переключка с Мильтоновым «Потерянным Раем»³⁷; насмешка над священником (Жоржем), терпящим неудачу в любовных делах, и мягкая ирония по отношению к Богу, который

...спит без скипетра и без короны
На последней ступени собственного трона,
Склонивши голову к чаше с нектаром³⁸, –

не отрицающие ни религии, ни церкви; наконец, самый выбор действующих лиц – Карл Великий и его ближайшее окружение, Витикин со своею свитой – все это полностью соответствует «благородному» жанру рыцарской поэмы – пусть в ее пародийной, бурлескной форме³⁹. И ничего, что напоминало бы недо-

³⁵ Ibid. P. 95.

³⁶ Такую расшивку имен персонажей предлагает М.А. Шармело: *Charmelot M.A.* Op. cit. P. 9, 27; etc.

³⁷ *Truci-Torjussen S.* L'oeuvre litteraire de Saint-Just. Thèse pour le doctorat ès lettres. Besançon, 1980. P. XI.

³⁸ Organt. P. 9.

³⁹ *Torjussen S.* Fonction... P. 152.

вольство простолюдина неполноправным положением в разделенном на сословия обществе. Именно к этой части поэмы и относится, в первую очередь, наблюдение Жюль Мишле о стремлении автора сблизиться с дворянской молодежью, добиваясь присущих ей легкости и изящества стиля⁴⁰. Логично предположить, что эта часть была в основном написана еще во время пребывания в коллеже. Д'Ассуси, с которым однокашники по коллежу сравнивали Сен-Жюста⁴¹, был одним из основателей жанра во Франции. С другой стороны, само отношение к реалиям окружающего мира во многом сближает эту часть поэмы с «Историей замка Кузи»⁴², тоже написанной еще в коллеже (вероятно, около 1785 г.), не в последнюю очередь для того, чтобы доказать своим товарищам, что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов. Впрочем, вполне возможно, что мы имеем дело просто со школьным сочинением, написанным по заданию отцов-ораторианцев⁴³.

«История замка Кузи» действительно является сочинением в полном смысле слова ученическим. Это отнюдь не результат самостоятельного изучения материалов местных архивов; перед нами своего рода компиляция из нескольких опубликованных в XVII – XVIII вв. сочинений, посвященных гордому Кузи и его сеньорам, главным образом из книги монаха Туссена Дюплесси⁴⁴: известно, что с XVII в. в монастырях Франции началась активная работа по сбору и публикации документов и написанию на их основе исторических сочинений. Небезынтересно проследить, каким образом использует юный Сен-Жюст эти сочинения: писал он свою историю замка Кузи скорее всего по памяти, но, воспроизводя текст того же Дюплесси довольно близко к оригиналу, систематически удалял упоминания о Божьем промысле, святости, чудесах и т.п.⁴⁵. Причем подобная секуляризация истории не означала и в данном случае не только отрицания религии и церк-

⁴⁰ Michelet J. Histoire de la Révolution Française. P., 1952. T. II. P. 76.

⁴¹ Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T. 1. P. 19.

⁴² Saint-Just L.A. Histoire du château de Coucy // Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M. Duval. P., 1984. P. 11–47.

⁴³ Dommanget M. Un manuscrit de Saint-Just: sa monographie du château de Coucy // Idem. Saint-Just. P. 37–38. М. Доманже обратил внимание на то, что Сен-Жюст работал над историей замка Кузи в то же самое время, когда по соседству Бабёф в качестве февдиста занимался описью сеньории – но сколь различны пока были результаты этой работы.

⁴⁴ Dommanget M. Op. cit. P. 40–43; Vinot B. P. 117.

⁴⁵ Vinot B. Saint-Just... P. 119.

ви, но и малейшего к ним неуважения, ибо все деяния сеньоров Кузи во славу их автором безусловно приветствуются, как впрочем и деяния во славу короля и королевской власти, – участие в крестовых походах (Ангерана I – в Святую Землю, Ангерана III – против альбигойцев, Ангерана VII – против турок), многочисленные дарения в пользу церкви и церковное строительство; спасение Раулем II Людовика Святого во время похода против неверных, «достойно завершившее его жизнь»⁴⁶ и браки с членами королевского дома, и многое другое в том же роде. Если он и говорит о жестокости сеньоров, то скорее ужасаясь ей, чем осуждая, и объясняет ее духом времени. Беспощадность же при подавлении народных восстаний и вовсе не вызывает у него протеста и рассматривается как законное право сеньоров⁴⁷.

Словом, в то время, когда для просветителей история служила слегка завуалированной формой критики существующего порядка вещей, способом доказать несправедливость его возникновения, Сен-Жюст целиком и полностью следует за официальной, в первую очередь церковной историографией, оправдывая, в частности, закономерность появления и необходимость существования дворянского сословия. Ничто в этом сочинении не предвещает будущего революционера. Лишь экономность стиля, чуждого украшений, отдаленно напоминает стиль его более поздних политических сочинений. Даже описывая руины замка на основании собственных впечатлений (в начале и в конце своего труда), он остается весьма сдержан:

Этот прославленный замок, который еще сто лет назад был одним из чудес Франции и, быть может, самым неприступным местом в Королевстве, теперь являет собой лишь печальный памятник величию его прежних сеньоров⁴⁸.

Несколько лет спустя, в «Органте», Сен-Жюст иначе писал о нем, вспоминая прогулки с Терезой:

Несколько старых кустов боярышника
Печально охраняют руины [замка];
Там искалеченные кровли башни
Унижены надменной ежевикой;
Здесь Время покрыло ковром из плюща
Висящие обломки стены;
Там виднеются готические статуи
Прежних героев, исчезнувших Красавиц.

⁴⁶ Histoire du château de Coucy. P. 29.

⁴⁷ Ibid. P. 39–40.

⁴⁸ Ibid. P. 47.

Но руины замка не только будят в нем романтические воспоминания. Мы видим и совершенно иное отношение к его сеньорам:

В этом старом дворце обитали наверно
Произвол и Бесчеловечность,
Тиран, что опустошал землю,
Неблагодарный, предавший дружбу⁴⁹.

3. САТИРА, ЛИШЕННАЯ ОПТИМИЗМА: «ОРГАНТ», ПЕСНИ VII – XX

Это конец песни XIV. По сравнению с первыми шестью песнями в следующих девяти кардинальным образом меняется не только тон, но и жанр – бурлеск сменяется пафосом и сатирой⁵⁰. Здесь появляются и почти сразу исчезают (по окончании вставных эпизодов) все новые персонажи, а прежние оказываются почти совершенно забытыми, подобно тому как Органт, кажется, совершенно забывает о конечной цели своего путешествия. Наконец, в последних песнях автор «вспоминает» об основной сюжетной линии и поспешно связывает оборванные было нити. Характер этих песней, в особенности VII – XV, обилие вставных эпизодов и авторских отступлений, почти полное отсутствие связей между отдельными эпизодами и целыми песнями – все это делает практически невозможным определить не только время, но и последовательность их написания⁵¹. С большей или меньшей вероятностью можно лишь предположить, что эта часть поэмы была написана во время и после пребывания в исправительном пансионе мадам де Сен-Колон, здесь явственно ощутим порою налет озлобленности против всего света.

Ощутим он, в частности, и в тех эпизодах, благодаря которым поэма приобрела репутацию «непристойной». Это и появление банды солдат в женском монастыре, когда старые монашки убеждают юных послушниц, что солдаты эти – посланцы Бога, которым следует принести в жертву невинность⁵²; это и

⁴⁹ Organt, P. 149–150.

⁵⁰ *Torjussen S. Fonction...* P. 153–154.

⁵¹ Даже имеющиеся в тексте отклики на конкретные события позволяют датировать лишь те строки, в которых о них говорится: упоминание о созые Генеральных штатов в конце песни VII (Organt, P. 76) могло появиться не ранее августа 1788 г., а пространные рассуждения по поводу дела Корнмагов в самом конце последней XX песни поэмы (Ibid. P. 214) вполне могли быть добавлены, когда поэма была уже почти целиком набрана, ибо судебный процесс завершился в начале апреля, а поэма увидела свет в мае 1789 г. В обоих случаях мы явно имеем дело с позднейшими вставками.

⁵² Ibid. P. 107–110.

преследование Нисетты обращенным в осла священником Жоржем⁵³; это и сценка между исповедником Пласе и юной новообращенной Аннет, которая в объятиях пастыря искала иллюзии объятий Спасителя⁵⁴. Большая часть фривольных эпизодов (по крайней мере в этой части поэмы) представляет собою еще и сатиру на нравы духовенства в духе не только вольтеровской «Девственницы», но и вообще антиклерикальной литературы Века Разума. Святые, выставленные в смешном виде, «отошавшие от ложных добродетелей»⁵⁵, поставленные в профанирующие ситуации; нарочитое смешение христианской и языческой (античной) мифологии, доходящее до откровенного богохульства – все это тоже вполне укладывается в рамки существующей традиции, равно как гневные филиппики против монастырей, построенных из «золотых слез осужденных вдов», на «горьких слезах и крови сирот»⁵⁶, погрязших в алчности, пороке и пьянстве. Все это рассматривалось властями как оскорбление религии и церкви и каралось по закону.

Доходя до богохульства, Сен-Жюст, тем не менее, не отказывается от Бога вовсе. Однако, его Бог это не Бог Вольтера, которого «следовало бы выдумать, если бы его не было»; он скорее походит на Бога савойского викария Руссо:

Я предоставил бы Турку и Гурону
Создать себе Бога по собственному усмотрению,
Поскольку я познал предназначенье свыше,
Что Бог есть не что иное как сама мудрость,
И что честность, добродетель, разум
Задслго до нас у Эмиля и Катона
Ценились высоко и без печати крещения, –

пишет он в начале песни III⁵⁷, рассуждая о том, что было бы, если бы он был королем всей земли. А в песне VI вкладывает в уста амазонки Елены, сражающейся на стороне Витикина, слова, обращенные к умирающему франку Ледигеру:

Мой Бог, несомненно более великий, чем твой,
Велит мне жалеть и любить христианина.
Никогда кровь не дымилась в его храмах;
Он внушает свои законы посредством Природы;
Она же говорит нам, что добро есть вера;

⁵³ Ibid. P. 185–186.

⁵⁴ Ibid. P. 100–102.

⁵⁵ Ibid. P. 146.

⁵⁶ Ibid. P. 71.

⁵⁷ Ibid. P. 26.

Что простосердечие и жалость мудрых
 Есть фиимам более чистый, чем резня,
 И этот Бог святой желает, чтобы ему поклонялись
 Лишь в сердце своем, где этот культ священен⁵⁸.

Оба эти фрагмента взяты из, условно говоря, первой части поэмы, но если первый из них, составляя часть большого авторского отступления в начале песни III еще может с известной долей вероятности рассматриваться как позднейшая вставка, то для второго такая вероятность существенно ниже, хотя и не исключается. Означает ли это, что еще в коллеже у Сен-Жюста сформировались веротерпимость и религиозный индифферентизм? Во всяком случае это никак не противоречит той симпатии, с которой автор неизменно изображает язычника Витикина, в противоположность христианину Карлу Великому, зачастую просто «Шарло», который неоднократно становится объектом насмешек и подвергается осуждению.

Авторское отступление в начале песни III особенно часто цитируются историками, рассматривающими «Органт» как отражение социально-политических воззрений Сен-Жюста накануне Революции. Оно действительно имеет в известной степени программный характер, хотя и вводится подчеркнуто небрежно:

Я хочу построить красивую химеру;
 Это меня забавляет и заполняет досуг.
 На мгновение я – Король земли...

Впрочем, и сама «программа» – это скорее юношеские или даже отроческие мечтания:

Трегеци, негодяй, твоему счастью пришел конец.
 Смиранные добродетели, приблизьтесь к моему трону;
 Высоко подняв голову, идите рядом со мной;
 Бедный сирота, раздели со мною мою корону...
 Но при этих словах я вдруг понял свою ошибку;
 Сирота плачет: ах! я вовсе не Король!
 Если б я был им, то все изменило б свой облик:
 Моя тяжелая рука укротила бы дерзость
 Надменного богача, который притесняет бедняка,
 Поразила бы наглого преступника,
 Вознесла бы скромную невинность
 И взвесила бы на равных весах
 Безвестность, величие, бедность, ранг.
 Чтобы засвидетельствовать королевское величие
 Мне не нужно ни гвардии, ни фасций.
 Пусть Марий заявил о своем присутствии

⁵⁸ Ibid. P. 62

Террором (страхом) и ключами от склепов;
Я пройду без секиры, без охраны,
Сопровождаемый сердцами, а не палачами.

Если соседи объявят мне войну,
Я скажу им: «Послушайте, добрые люди,
Разве нет у вас жен и детей?
Чем обагрять кровью землю,
Ступайте в их объятия;
Оставьте этот меч и страшное оружие
И живите мирно, как мы».

Мой счастливый народ,
счастливый в собственных гаванях,

Не осквернял бы чуждых берегов
Своим прахом, достойным праха его предков,
Обогащал бы себя собственными сокровищами
И процветал бы в благословенной сени
Священного древа старинных законов,
Наших мудрых предков, надежды обездоленных,
Без которых мой дерзновенный скипетр
Посмел бы однажды иссушить его почтенный мох⁵⁹.

При всей туманности и неопределенности этих мечтаний, в них ощущается оптимизм отношения автора к окружающему миру, которого нет в песнях более поздних, где нападкам и осмеянию подвергаются все и вся.

В песнях VII и VIII Антуан Органт встречает святого осла, явившегося с Небес, садится на него верхом и попадает в страну, где

...ослы по отношению к людям
Суть то же самое, что мы для ослов.
У них есть свой кодекс, свое правительство,
Свои Магистраты, свои Законы, свой Парламент,
Свои великие Доктора, наследники Апостолов,
И наши пришли именно оттуда .
У них есть также свой Университет⁶⁰.

Но ослы не лошади, они вовсе не похожи на благородных гунгнмов Свифта, им свойственны те же самые пороки, что и людям, только в преувеличенном виде. Для Сен-Жюста это способ высмеять суд и судебную риторику, где «солнце и луна играют роль ни с чем не сравнимую»⁶¹, Академию, где «Наука

⁵⁹ Ibid. P. 25–26.

⁶⁰ Ibid. P. 78.

⁶¹ Ibid. P. 79–89.

представляется в сотню раз более тупой, чем Невежество»⁶²,
 пройти на счет театра, где

Мельпомена, переодетая в осла,
 Горланит холодные вирши с надутой моралью
 И корчит рожи, чтобы позабавить дураков...

а Талия

...в бедной юбочке,
 Сменив на сабо бродекин
 Холодно-веселая и гротескно-нежная,
 Спесиво отвергает искусство и соль Менандра⁶³.

И здесь же нашумевшее дело об украденном недоуздке⁶⁴
 – неприкрытый намек на историю с ожерельем (август 1785 –
 май 1786 г.), нанесшую существенный урон и без того невысо-
 кому престижу Марии-Антуанетты.

Впрочем, королеве досталось уже в песне VI:

Бедняга Государь имел половину,
 Что звалась мадам Кунегонда,
 Королеву, отраду всего света;

⁶² Ibid. P. 82–83.

⁶³ Ibid. P. 81. При этом автор демонстрирует неплохое знание театра и знакомство с положением дел по крайней мере в Театр Франсэз (в «Примечаниях издателя» он расшифровывает имена актеров, данные в тексте поэмы лишь инициалами – Ibid. P. 216 (Notes de l'éditeur). Впрочем, интерес в театру, пожалуй даже увлеченность театром, можно проследить в разнообразных проявлениях на протяжении практически всей его жизни. Так, в начальный период работы над поэмой им был создан изящный пустячок – одноактная комедия «Арлекин Диоген» (*Saint-Just L.A. Arlequin Diogène. Pref. et publ. Ch.Vellay // Revue Bleue. 1907. T. VIII, N° 4. P. 97–105, русский перевод комедии см.: Диалог со временем. Вып. 7. С. 340–475; Item. Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M. Duval. P. 240–260*), подражание пьесам Мариво для Итальянского театра в Париже, достаточно сценичная, хотя начальные монологи выглядят несколько тяжеловесно, свидетельствуя о скорее книжном, чем реальном знакомстве с театром в момент ее написания – именно эта жанровая разновидность комедии становится в поэме предметом насмешки. Известна также его эпиграмма «Комедиант Дюбуа» – непосредственный отклик на театральное представление (*Saint-Just L.A. Epigramme sur le comédien Dubois qui a joué dans Pierre le Cruel // AHRF, 1934. P. 260*). В своем первом философско-политическом трактате «Дух Революции и Конституции во Франции» он вновь говорит об утрате театром гражданских функций. В то же время сохранилось свидетельство Элизабет Леба о том, что по дороге в Саверн в ноябре 1793 г. Сен-Жюст развлекал своих спутников тем, что читал наизусть комедии Мольера.

⁶⁴ Organt. P. 80.

Она стала ею без стыда и без жалости,
Жертвывая всем своей похотливой страсти...⁶⁵

Но выпады против королевы пока еще не затрагивали королевскую власть, отражая лишь отношение общественного мнения к «австриячке». Иное дело песни XIII и в особенности XVI, тоже часто цитируемые:

...что же тогда есть трон?
Это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть;
Вам больше бы понравился диван в будуаре.
Трон под задом будет приличен любому.
Король – это только святой в алтаре;
Деревянный святой, которого называют бессмертным.
Блаженный государь сам по себе был добр,
Дурным его сделали другие;
Он должен был привязывать корону
Двойным узлом...⁶⁶

«Дух революции»? Пожалуй, и в этих строках пока еще больше эпатажа. Но вот далее идет настоящая политическая сатира:

Францией управляют тираны;
Государство слабеет, и законы, лишенные силы,
Засчитывают золото виновных в их пользу,
При этих нарушениях неистовая Королева
Равнодушно попирает ногами
И Природу, и весь народ франков.
Ее алчность, и жестокая, и расточительная,
Чтобы накопить, повсюду строит козни,
Затем все проматывает и, не смущаясь,
Выплевывает кровь, которую только что высосала. ...
Обездоленный испускает на развалинах
Напрасные вздохи, заглушаемые ее смехом,
И пот и слезы провинций
Пеняется золотом на столе у принцев...
... [Король], его губительная слабость
Не ведает, увы! несчастий Франции.
Черные тираны разоряют его подданных,
А его слабость соединяется с их злодеяниями.
Двор есть не более чем лабиринт преступлений,
Следы золота в нем вместо путеводной нити;
Честь продается там самым искусным образом...⁶⁷

Продается не только честь, продается любовь, продаются дипломы в университете, продается вообще все на свете – слу-

⁶⁵ Ibid. P. 40.

⁶⁶ Ibid. P. 131.

⁶⁷ Ibid. P. 169–170.

жа клерком у суассонского прокурора, он не мог не заметить, что большая часть судебных дел так или иначе связана с куплей-продажей. И строки, направленные против мира Интереса, появляются не только и не столько под воздействием Руссо или Мабли (о реальном влиянии этих мыслителей на мировоззрение Сен-Жюста можно будет говорить лишь значительно позже), сколько в результате собственного жизненного опыта:

Не желая видеть свое творение слишком совершенным,
 Бог на землю послал Интерес;
 Ад разверз свою страшную бездну
 И изверг нам это безжалостное чудовище.
 В те прекрасные дни, что навсегда миновали,
 О которых наши сердца хранят несбыточные мечты,
 Счастливые дни простосердечия и мира,
 Когда Бог, несомненно, обитал на земле,
 Независимость и равенство
 Управляли человеком, который как дитя Природы,
 Предназначен своею чистой сущностью
 Добротели, как и Свободе.
 Власть преступных законов
 Не заглушала голоса его наклонностей.
 Равные сердца в едином аккорде
 Сгорали без стыда и губили себя без преступления.
 Но в мир вступает Интерес;
 Равенство вдруг исчезло,
 Честолюбие поднимает свою мерзкую голову,
 Любовь в слезах покидает мир;
 Тирания изобретает клятвы;
 Отчаяние сбивает с пути влюбленных;
 Золото создает законы, и Интерес становится причиной
 Бесчестия, злодеяний и ненависти⁶⁸.

С определенным воздействием идей Руссо связано здесь, быть может, представление о природной сущности человека – и глубоко пессимистический взгляд на человека современного общества:

Человек есть слово, которое обозначает
 Лишь животное, так же как медведь или лев;
 Его природа есть ошибка и тупость,
 Злобность спесь, честолюбие;
 Он рождается и умирает; и мертвого его презирают.
 Можно увидеть, как он, гордясь своею участью,
 Вытаптывает землю в завоеванных странах,
 Которые разум подчинил его закону;
 Он есть не более чем первое из животных

⁶⁸ Ibid. P. 97–98.

В том месте, где он провозгласил себя царем.
Господин всего мира, раб самого себя,
Он изучает все и не знает, что же есть он сам;
Его сердце, исполненное гордыни и интереса
Бойтся того, что ненавидит, презирает то, что любит.
Тайное преступление, прикрытое софизмом,
Он бесстыдно называет добродетелью.
Его самолюбие изобретает видимость;
Презренный интерес придал ему осторожность,
И разум его есть лишь черное соединение
Гордыни искусной, гордыни корыстной.
Золото бьется в его венах,
Золото есть его сердце; это Бог, что его движет;
Голос золота влечет его через опасности,
Чтобы жиреть на чужих берегах.
Золото изобрело Искусства и Астрономию,
И Алчность есть мать Гения⁶⁹.

Этот пессимизм «Рассуждения о науках и искусстве» распространяется и на самое основу просветительного мировосприятия – Разум. В конце песни первой (возможно, позднейшая вставка) он вводит госпожу Глупость, прекрасную даму (царицу, богиню) – именно такую «должна являться [госпожа] Разум»: «Глупость бестолкова; да, но она прелестна»⁷⁰, – и многие властители мира сего подпадали под ее власть. Пока все ограничивается не особенно злой насмешкой. Но в начале песни VI (тоже вполне возможно – позднейшая вставка) облик госпожи Глупости приобретает воистину зловещий характер:

К несчастью для французов
Госпожа Глупость привязала свою колесницу
В нашей стране, и дух помешательства
Овладел Министрами и Магистратами,
Священниками и клерками, Генералами и солдатами,
Они стали дураками, но в соответствии
со своим богатством,
Со своим рангом, своей властью,
своим дворянским достоинством;
Не все имели средства быть дураками.
Погонщик мулов в своем ревнивом сердце
Позавидовал ослиной глупости Финансиста
И стал оплакивать свою скудную глупость;
...Нелепость шла за нелепостью,
Никто не был достаточно туп на свой взгляд:
Все [желали] большего; и Принц крови

⁶⁹ Ibid. P. 161–162.

⁷⁰ Ibid. P. 11.

Завидовал тупости короля, своего господина.
 Временами кто-нибудь из остготских умов
 Отказывался от чести быть тупым,
 Но их повсюду освистывали...⁷¹.

Разум же появляется собственной персоной на совете у Сатаны в начале песни XIV:

Сорок Духов, но не злых духов,
 А не знаю каких, ни Демоны, ни Домовые,
 С треснувшими трубами в руках,
 С рогами на голове, подпоясанные добрым чертополохом,
 Направляются на это темное сборище, взобравшись
 На огромное чудовище, именуемое *Разум*.
 Животное с заостренной головой,
 С тремя связанными ногами и волосами на глазах⁷².

Впрочем, пессимизм этот связан не столько с просветительным Разумом как таковым, сколько с оценкой его возможностей в современном обществе. Подтверждение тому – недавно найденное Бернардом Вино короткое эссе или памфлет Сен-Жюста под названием «Разум в море». Имеет смысл привести его целиком.

[Завещание Разума – зачеркнуто]

Разум в море

Назавтра после вынесения приговора по делу Корнмана в 7 часов утра была обнаружена неизвестная женщина, умершая на ступенях большой лестницы (Дворца правосудия? – Т.Ч.). Ее перенесли в большой зал и выставили для опознания, но ни один человек в этом вертеле крючкотворства не признал ее; никто не подумал обыскать ее, ибо она была в лохмотьях. Доде, который шатался поблизости, как бы по привычке запустил руку в карман бедной женщины и достал письмо, на котором значилось имя адресата: Разуму. Он открыл его и прочел:

«Я в отчаянии от того, до какого состояния Вас довели. Надо было, чтобы у Вас не осталось прибежища на земле, чтобы Вы оказались во Франции. Я предложил бы Вам прибежище у себя, но какое положение могли бы Вы занять при дворе, до сегодняшнего дня я остерегался дать кому-нибудь заметить, что знаком с Вами. Смотрите, хотите ли Вы принять вид глупости, чтобы понравиться королеве, вид шлюхи, чтобы понравиться г-ну Бретейлю, вид тупицы, чтобы почрвиться г-ну де Барантену, вид ханжества срамных картинок и алчности, чтобы понравиться духовенству и вид свободы, чтобы понравиться третьему сословию. От всего сердца я сочувствую Вашим мукам, которые длятся вот уже столько веков. Я говорил о Вас с королем. Он мне ответил, что не желает открывать

⁷¹ Ibid. P. 54.

⁷² Ibid. P. 139–140.

королевство для иностранцев. Королева была при этом и спросила меня по секрету, красивы ли Вы, и предложила сделать Вас премницей г-жи де Полиньяк и г-жи де Лебрэн, но лишь в том случае, если Вы, как я уже сказал, крепкая, пухленькая и красивая. А поскольку Вы не любите лести, признаюсь Вам, что представил Вас такою, какая Вы есть, постаревшей от бед, исхудавшей от голода, меланхоликом и мизантропом из-за унижений со стороны людей, с глазами, выколотыми принцем де Конде, плохо одетую и забрызганную грязью благодаря принцу де Конти. Королева ответила: Фи, тогда...

Я Вам советую сходить к герцогу Орлеанскому, он один способен узнать Вас и может дать Вам лавку для торговли новостями в своем Пале Рояле. Когда-нибудь тупость купит мудрости, и тогда мудрость сможет купить тупости.

Я очень несчастлив оттого, что не могу осмелиться делать добро, и я не знаю, каким способом мне выбраться из моего запутанного положения. Тучи Генеральных штатов вот-вот прорвутся, они разразятся бурей, которая покроет нас прахом; мы войдем в нее кривыми и выйдем слепыми.

Не давайте мне более советов. Вы меня погубите. Необходимо золото, а поскольку сыскать его я могу только ценою чести, Вы отвернетесь от меня, и мы погибли.

Поклянитесь мне хранить молчание во время заседаний [Генеральных] штатов, как Вы делали это на протяжении трех лет, которые вот-вот истекут. Завтра будет вынесен приговор по делу Корнмана. Голоса королевы и шлюх – против него. Я поручаю Вам посетить суд и выслушать приговор, чтобы затем сообщить мне. Вы можете отправиться туда, не опасаясь г-на Лемуара – Вас никто не узнает.

Неккер».

Тут Доде принялся смеяться [...], сел в свою карету и отправил-ся обдумывать обвинительную речь против Разума.

Тело перенесли в морг, где оно долго еще лежало⁷³.

Содержание памфлета дает возможность точно определить время его написания – между 2 апреля и 5 мая 1789 г. Тон его, его пафос очень напоминает начало гесни VI «Органта», подтверждая предположение о позднейшем написании этих строк. В отличие от поэмы, здесь объект критики обозначен предельно четко. Но критика эта, при всей своей остроте, остается бесплодной, автор ясно видит неразумность существующего порядка вещей, ощущает необходимость перемен – но не находит ни путей к ним, ни силы, способной их совершить. Общественное мнение возлагало надежды на Неккера, на герцога

⁷³ Vinot B. Un Inédit de Saint-Just: La Raison à la morne // AHRF. 1991. 1 284. P. 234–235.

Орлеанского, на Генеральные штаты. Для Сен-Жюста же созыв Генеральных штатов – это не только буря, которая вот-вот разразится, это еще и свидетельство того, что богиня Глупость поселилась во Франции:

Она [Глупость] поселилась во Франции,
и вот ее адрес:
Возле Парижа собираются Штаты⁷⁴.

Пале Рояль, который герцог Орлеанский перестроил и сдал в аренду под лавки, кафе, увеселительные заведения, нетрудно узнать в том хрустальном дворце, который видит Органт, путешествуя на осле на Небо, даже без прямого указания на это в «Примечаниях издателя»:

И на фасаде золотые буквы:
Экстравагантность обитает в этом месте...
В портиках он встретил множество глупцов,
Унылых любовников нашей Волшебницы, ...
Что прибыли сюда со всех концов земли
В поисках Искусства, вкуса, остроумия,
И того счастья, что носит имя *vegoie*...
...Играли в любовь, отдавали свою
 благоклонность, свой пыл,
Ясный лоб, душевную страсть,
Отдавали сердце за кусочек хлеба...
Там можно встретить нового Тантала,
Что жаждет побрякушек, карет, нарядов...
Там заботы, от которых помрешь со смеху;
Там рифмоплеты, тощие, сухие, напуганные,
У которых лишь голод может вызвать вдохновение...⁷⁵

Что же касается Неккера, занимающего в памфлете привилегированное положение избранника Разума и неспособного (да и не желающего) что-либо сделать, то отношение к нему Сен-Жюста, мне кажется, в чем-то сродни отношению Робеспьера к Мирабо примерно в это же время. Памфлет не дает возможности определить, в какой степени недоверие к генеральному директору финансов продиктовано пониманием неэффективности его политики, а «Дух Революции и Конституции во Франции», где Сен-Жюст вновь обрушивается на Неккера⁷⁶, был написан в то время, когда провал его экономической политики уже стал очевидным для всех.

⁷⁴ Organt. P. 76.

⁷⁵ Ibid. P. 75.

⁷⁶ Сен-Жюст Л.А. Дух Революции и Конституции во Франции // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 185, 187–188 и др.

Памфлет «Разум в море» позволяет более адекватно представить особенности мироощущения автора поэмы «Органт» на завершающем этапе работы над нею. В том виде, в каком она была опубликована, поэма воспринимается как своего рода бунт против существующего порядка, бунт юноши, неожиданно испытавшего на себе несправедливость этого порядка. Но энергия этого бунта — энергия преимущественно разрушительная, и резкость сатиры здесь объясняется, думаю, не в последнюю очередь именно отсутствием у него перспектив. И в этом смысле, начало деятельности Генеральных штатов, взятие Бастилии, принятие Декларации прав человека и гражданина, муниципальные революции — события, открывавшие новые перспективы для людей действия, для тех, чьи возможности реализовать себя при Старом порядке были весьма ограничены, события эти должны были стать и стали переломными для Сен-Жюста. Впрочем, сам факт публикации поэмы к открытию Генеральных штатов, придание ей политической заостренности, создание первых политических памфлетов («Диалог...» и «Разум в море»), все это свидетельствует, что несмотря на свой пессимизм, Сен-Жюст, быть может сам еще не сознавая того, уже в это время внутренне готовил себя к активному участию в политической борьбе. Но, вступив на этот путь, он настолько полно отказывается от прежних образцов, что даже имени Вольтера ни разу не упоминает в более поздних политических сочинениях, не говоря уже об Апулее, Мильтоне, Ариосто и прочих, но среди немногих книг, которые он привез с собою в Париж в сентябре 1792 г. и которые после термидора были проданы с торгов, имелись «Басни» Лафонтена и «Освобожденный Иерусалим» Тассо⁷⁷. По-видимому, потребность в таких книгах сохранилась у него до самого конца.

Коммерческого успеха поэма, по-видимому, не имела. Во второй половине 1789 г. ситуация со свободой печати радикально изменилась. Свидетельством тому хотя бы публикация объявления о ней в № 6 «Революции Франции и Брабанта» Камилла Демулена: «"Органт", поэма в двадцати песнях с таким эпиграфом: *Вам, молодой человек, прежде чем сказать про-*

⁷⁷ Bapst G. Inventaires des bibliothèques de quatre condamnés // RF. 1891. Т. XXI. P. 535.

щай»⁷⁸, и более пространный и несколько ироничный отзыв в «Литературной корреспонденции» барона Гримма:

«Органт»... представляет собой сочинение молодого человека, который читал «Девственницу» слишком много и недостаточно; слишком много, потому что на каждом шагу мы видим реминисценции или неудачные подражания некоторым местам французского Ариосто; недостаточно, потому что он лишь изредка достигает его остроумия, изящества и гения⁷⁹.

По-видимому, именно в это время к поэме были приложены «примечания издателя», о которых уже говорилось. Однако похоже, что французов уже не интересовали намеки на то, о чем можно было говорить открыто, уменьшилась и популярность фривольной литературы. И когда в конце 1792 г. в продажу были пущены книги под названием «Мое времяпрепровождение или Новый Органт, сочинение депутата Национального конвента», это, скорее всего, была одетая в новую обложку нераспроданная часть тиража⁸⁰. Имел ли отношение к этому выпуску сам автор? Биографы Сен-Жюста отвечают на этот вопрос по-разному. Мне представляется это вполне вероятным, в особенности если учесть нереализованное намерение опубликовать в слегка актуализированном виде одноактную комедию «Арлекин Диоген».

⁷⁸ Цит. по: *Hamel E. Histoire de Saint-Just. P., 1859. P. 24.* Как хорошо было известно современникам, эпиграф этот – строчка из Жильбера, поэта, умершего странной смертью в 1780 г. в возрасте 29 лет. Любопытно, как сходятся вновь два этих имени в творчестве писателей-романтиков в конце 1820-х – начале 1830-х годов: у А. де Виньи в «Стелло» Жильбер становится герцем первой новеллы, а Сен-Жюст появляется в третьей, причем в обоих случаях нельзя исключить влияния на выбор персонажей его друга Ш. Нодье, опубликовавшего со своими предисловиями в 1826 г. произведения Жильбера, а в 1831 – «Республиканские установления» Сен-Жюста. См.: *Виньи А. де. Избранное. М., 1987. С. 558; Fragments sur les institutions républicaines, ouvrage posthume de Saint-Just, précédé d'une notice, par Ch. Nodier. P., 1831.*

⁷⁹ *Vinot B. Thèse. P. 155.*

⁸⁰ *Vellay Ch. Essai d'une bibliographie de Saint-Just // RHRF. 1910. 1. 3. P. 419.*